

Борис ЕФРЕМОВ

НАБАТОМ БЬЮ В КОЛОКОЛА!

Поэма покаяния

18+

Борис Алексеевич Ефремов

НАБАТОМ БЬЮ В

КОЛОКОЛА! Поэма покаяния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42846116

SelfPub; 2019

Аннотация

В нынешнем океане стихотворного сочинительства вряд ли найдётся хотя бы один опус, в котором наша жизнь рассматривалась бы с точки зрения православной Истины, с позиций учения Христова. Большинство интернетских обитателей об этой высшей Правде и знать ничего не знают. Самобытность новой книги Бориса Ефремова именно в том, что поэт убедительно доказывает, что без такого взгляда на действительность ее не только нельзя объяснить, но и смысл самой жизни пропадает. Автор рассказывает о своём трудном духовном взрослении, ведёт нас к пониманию, что выход России из долгого кризиса только в сознательном возвращении к отцовской вере.

Содержание

Не смиренный запретом...	7
Я только сын народа своего...	7
В том году...	9
Тихо светит луна...	11
Послевоенный хлеб	12
Памятник	14
Уже вспоминаю, как сон...	16
Картошка	18
Из жизни Исаакия Оптинского	22
Как мать полоскала бельё	25
Осень в Минусинске	29
Дед Матвей	30
Вдоль по улице пыльной...	31
Школа	34
Что-то правды мы стали бояться...	36
Тут не забудешь и веки...	37
Какие грехи вековые...	40
Теперь на родине я только гость...	41
Бумажный человек	42
В Свердловске осень...	42
Утренние стихи	44
Письмо потомкам	46
Бумажный человек	49

Они всё той же мёртвой хваткой...	51
Дмитрию Кедрину	52
Поездки в колхоз	54
Проносит волны по болоту...	55
Отыграла в деревне гармошка...	56
Раздумье	57
Груз нехваток	59
Молитва	61
Александру Твардовскому	62
Ненужный разговор	69
Мне только раз обидно стало...	69
Встреча	71
Мечтаешь день и ночь о чуде...	73
Аргумент	75
Вот и мать у меня отгостила...	76
Ненужный разговор	79
Наше общее время уходит...	81
В чужом застолье	83
Зов родства	85
Сквозь ветер декабрьский, хмельной...	88
«Груз – 200»	88
Я плачу от бессилья...	92
Ни за что на свете не пойму я...	93
Сергею Есенину	94
Экспромты	99
Стихи о всеобщем терроре	101

Когда опустится рука...	103
Не нравится служить народу?	105
Шесть лет молчала музыка...	105
Всё прочитал. Мороз по коже...	107
Поспорили, поговорили...	108
Виктору Астафьеву	109
Не люблю одного человека...	111
Из записной книжки	112
Нет в России политзаключённых	114
Кого мы только не бранили...	115
Теперь до смерти будут сниться...	116
Из проволок колючих кружева...	117
Из протоиерея Димитрия Троицкого	118
Утонула седая дорога...	119
Стансы	120
Вот и сникла душа под напором...	122
Из Даниила Сысоева	124
Осенние леса полны листвой...	125
Лили-путинки	126
Я рано встал, да вышел поздно...	126
Гостинец из Сибири	127
Лили-путинки	130
Давно взрослеть пора...	139
Собаке по имени Бим	140
Не много в степенности толку...	142
Нам снова навязали Путина...	143

Неужели вы не видите, что это властолюбец?	144
Предчувствие стиха...	147
Как нам жить после наглых обманов?	148
Любая власть дана о Бога...	150
Где-то в просторе далёком...	151
Евгению Евтушенко	153
Страшно качает деревья...	155
К Любви! К Христу! – почти кричу...	157
Летят, летят косым углом...	157
Мы браним тебя чуть ли не матом...	160
К Любви! К Христу! – почти кричу...	163
Жить без Бога – это значит то же...	164
Берёза на спуске в подземный гараж...	166
На базаре	169
Исповедь	171
Ах, как нынче властям захотелось...	172
Что вы ответите, земные боги?	174
Повторите реформы Столыпина!	178
Два пути	181
Владимиру Маяковскому	183
Конец ознакомительного фрагмента.	185

*Всё, что я хотел сказать о нашем времени, — в
этой поэме.*

Автор

Не смирённый запретом...

Я только сын народа своего...

Я только сын народа своего,
И мне вовек не будут безразличны
Роскошество дворцов его столичных
И бедность деревенская его.

Люблю, когда звенящий самолёт
Меня несёт в стремительном разбеге,
Но не претит и тряский ход телеги,
Когда она по колеям ползёт.

Люблю, когда, мерцая на бегу,
По осциллографу мелькают точки,
Но мне милы и скошенные строчки
Густой травы на заливном лугу...

Но не люблю, когда, как некий князь,
Работник управленческого типа

Врастает в стол,
как будто в землю глыба,
Всей сутью от народа отстраняясь.

Так повелось, не знаю почему,
Но, сохраняя важность и породу,
Не он, как надо бы, идёт к народу,
А вновь и вновь
народ идёт
к нему.

И гневно против этого всего
Я голос свой сегодня поднимаю,
Поскольку так я правду понимаю,
Поскольку сын народа своего.

В том году...

Не смиренный запретом
(Вот ведь страсть в рыбаке!),
Мой отец, что ни лето,
Пропадал на реке.

За седьмым поворотом
Вдоль некошенных трав
Проплывал он то с ботом,
То с сетями на сплав.

Тёплый сумрак сгушался,
Становилось темно,
И отец мой стучался
Бодрым стуком в окно.

Выбрать затемно сети
Помогал я отцу.
А наутро соседи
Собирались к крыльцу.

«Ай да Лёня, голубчик,
Будь подольше здоров!
Отпусти-ка на рубчик
Енисейских даров».

И в обмен на бумажки
По цене даровой
Свежей рыбы по чашке
Уносили с собой.

И приподнято, в духе,
Мой отец говорил:
«Вот и ладно, старуха!
Всех, как есть, накормил».

И, разгладив рублёвки,
Настроением креп:
«Вот тебе на обновки,
И на соль, и на хлеб».

И струился упруго,
Как на старом пруду,
Рыбный запах в округе
В том голодном году.

Тихо светит луна...

Тихо светит луна
В отражении вод.
А вокруг тишина
Над полями плывёт.

И синеет гора
За сияньем речным,
И с отцом у костра
Мы сидим и сидим.

1954 г.

Послевоенный хлеб

Неясный гул очередей
На затуманенном рассвете.
Как лица близких мне людей,
Я помню очереди эти.

Ещё зевая и крестясь,
Весь долгий путь ворча не в духе,
К торговой лавке в ранний час
Сходились первыми старухи.

Их телогрейки и платки
Пестрели около забора,
И с лёгкой чьей-нибудь руки
Рождались темы разговора.

Что дед Семён совсем ослеп,
Что непослушней стали дети,
Про то, что был бы только хлеб,
И можно жить да жить на свете.

И темам не было числа,
И гул, рассветом не уменьшен,
Всё рос. И очередь росла
Уже за счёт детей и женщин.

Я получал свой номерок
С трехзначной цифрой карандашной
И запасался, сколько мог,
Недетской выдержкой тогдашней.

Стоял, к забору прислонясь,
Но видел у насосной вышки,
Как, в поединке распалясь,
Над чикой сгрудились мальчишки.

И мне приспело поиграть!
И мне монеты бить охота!
Но скоро карточки сверять,
Но хлеб купить – моя работа.

И эта истина была
Сильнее, чем запрет суровый.
И долго очередь текла
К фанерной лавке продуктовой...

Памятник

Тот памятник стоял в центральном сквере,
В широком георгиновом кольце,
С печатью непреклонной гордой веры
На отрешённо-гипсовом лице.

Но как-то город был разбужен вестью,
Что памятника в сквере больше нет,
Что на его святом когда-то месте
Лишь гипса исковерканного след.

Ватага быстроногих ребятишек,
Мы первыми собрались у руин.
И любопытства нашего излишек
Бранил какой-то строгий гражданин:

– Ишь, расшумелись!
Ну-ка, живо, живо...
Нашли, где заниматься беготнёй... —
И терпко пахло зрелой крапивой,
И гипсом, и цветочною пылью.

Тот гражданин ушёл. Пришли другие.
– Вот так вот и живёшь:
с небес да в грязь.
– Не дело это, братцы дорогие...

Не дело так,
народа не спросясь...

А день рождался. Поднималось солнце.
Всё больше света рдело в облаках.
– Да что тут спорить?
Время разберётся...
– Оно-то разберётся... Нам бы как...

За днями промелькнувшими моими,
Перед началом будущих времён
Всё реже я встречаю это имя
Среди других фамилий и имён.

Но почему почти на полпланеты,
С улыбкой в чуть прищуренных глазах,
Летят его забытые портреты
В грохочущих,
как гром,
грузовиках?

Уже вспоминаю, как сон...

Уже вспоминаю, как сон,
Отцовские те разговоры
О том, что народ испокон
Для власти заместо опоры.

Пуškai неказиста на вид
И ветхая, может, отчасти,
Но держит пока да молчит,
А это и надо для власти.

Бледнела испуганно мать:
Мол, не было в доме печали,
Так могут придти и забрать,
Как в мае соседа забрали.

И мать закрывала окно,
Как будто бы там, за окошком,
Нас чьё-нибудь ухо должно
Подслушивать зло и сторожко.

И молк разговор без следа,
Как будто его не бывало...
Тех лет роковая беда
К молчанию нас приучала.

Вникай в простоквашу да щи,
Не лезь на рожон, как ведётся,
А что и увидишь, смолчи
В надежде, что власть разберётся...

Увы, обернулись не в сон
Отцовские те разговоры
О том, что народ испокон
Для власти заместо опоры...

Картошка

Не туманно, не смутно,
Словно было вчера,
Вижу серое утро,
Грузовик у двора.

Предстоит на потеху,
А не то и на страх,
Нам по городу ехать
На картошке в мешках.

И по лужам вчерашним,
По рассветной поре —
К фиолетовым пашням
На заречной горе.

А дороженька —
камень,
Чуешь все бугорки.
И сидим мы, руками
Ухватясь за мешки.

И на каждой горушке
Подлетаем молчком,
И крестится старушка
Втихомолку, бочком...

Наконец, с разворота
Обрывается путь,
И до главной работы
Остаётся чуть-чуть.

И пока над бортами
С гиком ходят мешки,
Мы, кто меньше годами,
Рвём цветы у межи...

Но готовы деляны,
Ярче краски утра,
И заняться делами
Наступает пора.

Поначалу работа
Не особо трудна,
Но доводит до пота
До седьмого она.

— Ты смотри, как над пашней
Нынче крепко парит!
Ну-ка сбегай за фляжкой, —
Мне отец говорит.

И до рощи до самой
Я бегу бороздой,
Где упрятана в яме

Наша фляга с водой.

Вместе с тряпкою влажной
Флягу я достаю
И, измученный жаждой,
Воду зябкую
пью.

Сколько так вот, не знаю,
Я готов простоять.
Только вдруг вспоминаю
Про отца и про мать.

И с ребячьей отвагой
Вновь деланой бегу,
Слыша в бьющейся фляге
Плеск на каждом шагу...

Но уж полдень! —
Лопату
Батя прячет в межу,
Говоря хрипловато,
Что пора к шалашу.

И, постлав покрывало,
Мы у рощи сидим
И смеемся устало,
И устало едим.

Говорим понемножку
И о том и о сём:
Мол, родится картошка —
Год опять проживём.

Только слушать про это
Я совсем не люблю.
И, притихший, пригретый,
На опушке дремлю.

И под гул разговора,
Словно вскользь, не всерьёз,
Слышу вкрадчивый шорох
Распушённых берёз...

Из жизни Исаакия Оптинского

Шестнадцатые сутки шёл допрос.
В тюремном коридоре друг за дружкой
Стояли длинной цепью арестанты.
Ни сна, ни крошки хлеба, ни словечка.
Лишь кто-нибудь на миг глаза прикроет,
Конвойный саданёт его прикладом,
Да так, что бедный охнет и застонет,
И вновь удар прикладом получает.

Бывало, в этой гиблой тишине,
Сознание теряя, упадёт
Один из арестантов, но помочь
Ему подняться строго воспрещалось.
Ведро воды холодной из под крана
В лицо упавшему плескали с силой.

Архимандрит, высокий, благолепный,
Не потерявший и в застенках вида,
Молился эти все шестнадцать суток
Почти без перерыва. И тогда,
Когда, скрипя, распахивалась дверь
И он входил в сырую комнатёнку,
Где следователь новый за столом,
Небрежно перелистывая дело,
К монаху с резким криком обращался:

– Ну, хватит запираяться, сивогривый!
Признай врагом епископа Никиту
И этот вот листочек подпиши!.. —

Пятнадцать раз почти одно и то же
Он в комнате сырой и полутёмной
От обвинителей безбожных слышал
И говорил, что это ложь и это
Он не имеет права подписать.

Пятнадцать раз тюремные сатрапы
Разгневанно монаха отсылали
В конец конвейера из полумёртвых,
Уже едва державшихся людей.
И кто же знал, что жуткая цепочка
В последний раз идёт по коридору
До ненавистных адовых дверей!

Энкэвэдэшник, дюже деловитый,
Сказал архимандриту, лишь вошёл он:
– Себя виновным вы не признаёте
И подпись под признанием поставить
Не собираетесь... Тогда – расстрел.
К такому обороту вы готовы? —
Архимандрит поднял глаза устало
На истязателя: – Свой крест принять
Давно уже готов я.
– Всё! Идите! —

И вот их от Тесницких лагерей
Везут по Симферопольской дороге
В уже выдавшем виды воронке.
И стражник, их прикладом подгоняя,
Заталкивая в тёмный крытый кузов,
Напутствовал с ухмылкой на лице:
— Ещё вам крепко повезло, бедняги.
Уйдёте в мир иной не в день обычный,
А в светлый праздник —
в Рождество Христово! —

Полуторка скрипела, дребезжа.
А Исаакий Оптинский тихонько
В усы свои седые улыбался.
Всю ночь он спал и сон ему чудесный
Без перерыва снился, долгий, светлый.
Как будто он Рождественскую службу

В каком-то храме незнакомом служит,
И храм украшен ветками от ёлок,
И жарко в храме свечи полыхают,
И мирно вьётся ладана дымок...

Как мать полоскала бельё

Мороз золотистый, сибирский,
Вот-вот и дыханье сведёт.
Дорогой зальделой и склизкой
Мать с тазом на речку идёт.

Не таз, а колодец широкий,
И столько белья в нём лежит,
Что башенный сторож стоокий
Беззубо, но лихо свистит.

В заплатанных валенках месит
Размолотый трактором лёд.
В карман за словечком не лезет,
Из стыни воздушной берёт.

«Эй, женщина али девица!
Не любит, ли чё ли, супруг?
Бери-ка мои рукавицы,
Останешься, девка, без рук!»

А мать не спеша, голоруко
Свой груз перехватит, и вновь
Шагает легко и упруго,
Лишь в щёки бросается кровь.

Да как ещё с горки высокой
По краю тропинки сбежит!
И к проруби – снежной протокой,
Где бабья работа кипит.

Там панцири с хрустом бросают
В протоку, и лишь отойдут,
Полощут бельё, выжимают
И лютую воду кланут.

И руки в свои меховые
Суют рукавицы, смеясь:
«Повылезли все, вековые,
А всё же куда мы без вас!»

Но мать на краю водоёма
Как будто вращается в него.
Лишь руки пылают знакомо,
И нету вокруг ничего.

«Да что ж ты! стиралки застудишь! —
Ругают соседки её. —
Под старость безрукая будешь,
А это какое житьё...»

Рубашку отца выжимая,
В ответ улыбается мать:
«В мороз я всегда огневая,
Лишь лёд не могу поджигать...»

Но так разгоняет жестоко
Окошко дымящихся вод,
Что вот загорится протока
И мигом растопится лёд.

Воде так и хочется взвиться,
Опасная ходит волна!
И хоть бы на миг в рукавицы
Засунула руки она.

У всех лишь ещё половина
В тазах и корзинах белья,
А уж поднимается Нина,
Молодушка, мама моя.

Берёт, как колодец широкий,
Свой таз бельевой, и опять
По речке, по горке высокой
Ей с грузом застывшим шагать.

По улице, к речке склонённой,
Дорогой идти ледяной,
И жгучее солнце короной
Блестит над ее головой.

И молодо ноги шагают,
И карие очи ясны,
И щеки, как розы, пылают,

И руки, как солнце, красны.

И сторож у водонапорной
У башни, что вся в куржаке,
Беззубо свистит и упорно
На странном своём языке.

Но мать подымает ресницы
И с вызовом – наискосок:
«Развесить бельё рукавицы,
Не дашь ли, отец, на часок?»

И сторож, поохав, смеётся,
Качает чудно головой,
И эхо, как хрип, раздаётся
В простуженной башне пустой.

Осень в Минусинске

Сад облетал. Над облетающим садом
На солнце полыхали купола.
Над куполами и над листопадом,
Раскинув крылья, тишина плыла.

Бесшумно шли по улице машины,
Бесшумно шла старуха по листве,
Бесшумно, словно трещины, морщины
Раскалывали кожу на лице.

И, словно сад, бесшумно облетала
Души моей осенняя листва,
И падали, и падали устало
Бесшумно-невесомые слова.

И тишина плыла над куполами,
И тишина в душе моей плыла...
Сад облетал. Над облетающим садом
На солнце полыхали купола.

Дед Матвей

Уже который год пшеница
Под зимний снег печально шла,
И дед Матвей,
прикрыв божницу,
Крестил колхозные дела.

– Да где же видано, Создатель,
Чтоб до зимы не сжали хлеб!
Или взаправду председатель
От кабинетных стен ослеп?.. —

А тот в райком писал отчёты
И дома, выпив первача,
Сидел, задумавшись о чём-то,
Магнитофону в такт стуча.

Вдоль по улице пыльной...

Вдоль по улице пыльной,
Молчалив и суров,
Ходит Федя Могильный
Мимо старых дворов.

В длинной белой рубашке
С кистевым пояском,
В галифе и фуражке
И всегда босиком.

Только если уж строгий
Жмёт мороз, как тиски,
Он на красные ноги
Надевает носки.

И лишь только случится
В чьём-то доме беда,
Федя молча стучится
И заходит туда.

И усталый, несильный
Слышен голос глухой:
«Здравствуй, старец Василий,
Вот и я за тобой».

И хозяйка поспешно
Вынет в тряпке гроши:
«Ты уж, Федя сердешный,
Всё, как надо, сверши».

Отсчитав половину,
Сколько в дело уйдёт,
Заказать домовину
Он спешит из ворот.

Домовину и ленту,
И звезду, и венок,
И участок в аренду
На неведомый срок...

В настигающем горе
Время летом летит,
Вот и улица в сборе,
Двор с рассвета раскрыт.

Слышен голос несильный:
«Сдай в сторонку, народ».
Это Федя Могильный
Указанья даёт.

Крепко слит со словами
Строгий облик лица.
«Разверните ногами.
Ставьте возле крыльца...»

А у дома в народе
Тихий говор: «Сосед?
Сколько Феде?» – «Да, вроде,
Точных данных и нет.

Мне уж семьдесят в среду,
А всё помню его.
И отца он, и деда
Провожал моего...»

И опять медь оркестра
Льётся горестно в грудь,
До прощального места
Начинается путь.

Плач то громко, то глухо,
И нестройно, вразброд
Старики и старухи,
И весь прочий народ.

И по улице пыльной,
Сняв фуражку, босой,
Снова Федя Могильный
Их ведёт за собой...

Школа

В начале жизни школу помню я...
А. С. ПУШКИН

Судьба у каждого своя,
Свои и радости и боли.
Печально вспоминаю я,
Как счастье прочили нам в школе.

Ни терниев и ни стерни.
Дорога как по виадуку.
Лишь только руку протяни —
Судьба удачу вложит в руку.

Но вместо лёгкого пути
Мы кровью сердца постигали,
Что жизнь – не поле перейти
И что не так погожи дали.

И эта правда, что с тоской
И с горькой болью мы открыли,
Была как битва под Москвой,
Когда на карте: или – или...

Я славлю смелый поворот.
В том толк, пожалуй, всякий знает,

Когда, накренивая борт,
Корабль движение выпрямляет.

Но пусть не стынет в сердце боль,
Пусть не смолкает мысль подспудно:
Что жизнь и в наше время бой,
А бой – в любое время трудно.

Ещё не знаем мы, куда
Свой ход «Титаник» наш направит.
Пройдёт ли с бурей беда
Или под толщей вод раздавит.

Что-то правды мы стали бояться...

Что-то правды мы стали бояться,
Словно, правда грязна и вредна,
Словно, могут пыреем подняться
Сортовые её семена.

Видно, с ложью в былом побратались
И с тех пор перед правдой хитрим.
Там, где надо сказать: «Просчитались»,
«Кое-что не учли», – говорим.

И прореху заплаткою свежей
Друг от друга стремимся прикрыть.
А ведь это в убыток себе же —
Вот бы надо о чём говорить!

Ведь давно научило нас время,
Да и учит сейчас наперёд:
Там, где правды не брошено семя,
Непременно неправда взойдёт.

Тут не забудешь и вовеки...

Тут не забудешь и вовеки,
Как, в кучу ссыпав медяки,
В сибирском городе калеки
Считали деньги у реки.

Их было трое у излуки —
Один с крюками на руках,
Другой в тележке, толсторукий,
А третий был на костылях.

Закончив счёт медяшкам строгий,
Чтоб не запрятались в траву:
«Тут на пять штук, — сказал безногий, —
А остальные на жратву».

«Жратва с похмелья, между нами,
Зловредней, чем угарный дым.
Возьмём на все, — сказал с крюками, —
Подольше вместе посидим».

А с костылями не ответил,
Он костыли к ноге сложил.
Давно уже на белом свете
Он по-немому говорил.

И толсторукий, не помешкав,
Сказал, нагнувшись к колесу:
«Я хоть без ног, да на тележке.
В одну минуту привезу...»

И вот у горькой той излуки
(И рассказать-то нету сил)
Из рук безногого безрукий
Вино глотками жадно пил...

Потом они сидели вместе,
Пока негромко, как сумел,
Безрукий о печурке тесной
И о землянке не запел.

И тот, который был в коляске,
Как будто что придало сил,
Неторопливо, без опаски,
Мотив знакомый подхватил.

И с костылями, туча тучей,
Сомкнул мычаньем голоса.
И по щеке его колючей
Скатилась пьяная слеза.

Потом вина они налили,
И о протез стакан стучал,
И двое снова говорили,
А третий слушал и молчал.

«Вот обзывают: инвалиды,
Что от вина, мол, пропадём.
А я скажу им без обиды —
Пусть хоть такие, да живём.

Пускай безногие, немые,
Да вот глядим на белый свет.
А сколько нас по всей России,
Которых вовсе больше нет...»

Немой смотрел сквозь поволоку,
Как над рекой сгущалась ночь.
И я стоял неподалёку,
Но чем я, чем я мог помочь?

Какие грехи вековые...

Какие грехи вековые
На нас и на наших отцах,
Что даже старушка Россия
От нас отвернулась в сердцах! —

А нам невдомёк. Нам неймётся.
Нам жалко пути своего.
Но если и Бог отвернётся,
Куда ж мы тогда без Него?..

Теперь на родине я только гость...

Теперь на родине я только гость.
Набравшись сил, я снова уезжаю
И крепко-крепко к сердцу прижимаю
Родной земли, земли сибирской горсть.

Я поправляю на плече рюкзак
И говорю родителям, прощаясь:
«Я ненадолго с вами разлучаюсь.
До скорой встречи. Не грустите так».

Отец и мать... Как их сугубит грусть!
Разлука с сыном нелегко даётся.
Но, видно, так из века в век ведётся, —
Взрослеющих зовёт в дорогу Русь.

Вот и меня в дорогу позвала
Заманчивой, ещё туманной целью,
Обвеяла жарою и метелью
И от родного дома увела...

Я поправляю на плече рюкзак
И говорю родителям, прощаясь:
«Я ненадолго с вами разлучаюсь.
До скорой встречи. Не грустите так...»

Бумажный человек

В Свердловске осень...

В Свердловске осень. Синий дождь
До блеска тротуары вымыл.
Когда по улице идёшь,
Цветами пахнет полевыми.

Цветами пахнет. И опять,
Охваченный щемящей силой,
Я не могу не вспоминать
О тополях над речкой синей.

И вижу я, как наяву,
Наш дом под крышею покатою
И в лёгких тучах синеву,
Пылающую в час заката.

Мне видятся отец и мать.
Они сидят за чашкой чая
И долго не ложатся спать,
Бродягу-сына вспоминая.

А вот скамья... Когда-то здесь

Сидел я с девушкой любимой,
И сквер дремал в сирени весь,
Ночной, густой, неповторимой.

И поцелуи, и в любви
Признанья... Но бывшее тает.
На письма частые мои
Она давно не отвечает.

Слова обманчивы, пусты...
Но ты, о сердце, не сдавайся,
Не предавай свои мечты
И прежним, прежним оставайся...

Утренние стихи

Встаём в семь тридцать. Койки заправляем.
Рассвет, пылая, косо бьёт в окно.
«Давайте-ка, ребята, погуляем
По городу. От книг в глазах темно».

И мы идём. Попутные трамваи
Звонят: «Спешите, мальчики! Скорей!»
И, приостановившись, зазывают
Улыбками открывшихся дверей.

«Нет, нет, спасибо! Нам спешить не нужно.
В разгаре сессия. Занятий нет».
И мы идём. Над кем-то шутим дружно,
Подолгу смотрим девушкам вслед.

Любуемся осенними садами,
Сияньем солнца в небе голубом
И хором объясняем полной даме,
Как отыскать Центральный гастроном.

Позавтракать заходим в кафетерий,
И как всегда, народу здесь битком.
Заказываем дюжину коктейлей
И восемь порций кофе с коньяком.

С большим трудом мы занимаем столик,
Стихи читаем, обсуждаем, пьём.
Мы полчаса высиживаем стойко —
И только с боем столик отдаём.

И вновь идём... И снова смех и солнце,
И люди, и сияние витрин.
И всё прекрасно, празднично и сочно,
И, словно солнце, сами мы горим.

Берём мороженое, не жалея денег,
Пьём свежий квас, толпой заходим в тир.
И хочется большое что-то сделать,
Огромное и доброе, как мир.

Письмо потомкам

В издательстве мне рукопись вернули.
Редактор хоть и молод был, но строг.
Как следователь, он сидел на стуле,
Вникая в суть моих подсудных строк.

Потом он встал и, голосом играя,
Сказал, как будто вышел по канве:
«Живёте вы в индустриальном крае,
А пишите, простите, о траве.

Отмечу сразу – так сейчас не пишет
И самый начинающий поэт.
Ведь в том, что ветер море трав колышет,
Ни образа, ни мыслей новых нет.

В стихах на пустяках ваш взгляд рассеян.
Нет доменных печей в тени ветвей.
Припомните, что говорил Есенин:
«Воспой поэт, что крепче и живей...»

Сказал редактор. Всё до точки вышел.
И посмотрел задумчиво на дверь.
Я рукопись забрал и с нею вышел,
Увы, в неметаллический апрель.

Весь свет,
священным гневом переполнясь,
Он травами, как я словами, крыл.
И был он ослепительней, чем образ,
О коем мне редактор говорил.

Я шёл по зеленеющей аллее.
Шёл, торопясь за мыслями поспеть:
Мол, печь – она, действительно, живее,
И нет причины, чтоб её не петь.

Мол, печь – она и впрямь травы покрепче,
И не травой сильна сегодня Русь.
Приду домой и сразу же за печи —
Плоды цивилизации возьмусь.

Так думал я. А сердце – сердце ныло:
Увы, стихи о травах не издать.
И я вот с этой думою унылой
Решил письмо потомкам написать.

О том, что трудно в век индустриальный
Пробить стихи о травах и душе,
Что у меня на случай идеальный
И маленькой надежды нет уже.

О том, чтоб знали дальние потомки,
Что по вине стальных редакторов
Писательские полнились котомки

Излишним гулом домен, тракторов.

И что Борис Ефремов, сын России,
На этом индустрийном вираже
Хотел писать о силе индустрии,
А получались песни о душе.

Бумажный человек

Десять лет и четыре года
Он живёт странной жизнью своей,
Отгороженный от народа
Целой дюжиной плотных дверей.

За серьёзным бумажным делом
Он сидит, тяжело дыша.
И выросла в неподвижное тело
Позабывшая крылья душа.

Лишь под вечер, нарушив порядок,
От бумаги он взгляд оторвёт:
– Это я... Испекла куропаток?
Вот и славно... – И трубку кладёт.

И не вспомнит любитель дичи
Про далёкий родительский дом,
Где без роскоши и величья
Жил он с матерью и отцом...

В шесть пятнадцать на чёрной машине
Он по городу мчит с ветерком,
И шуршат по асфальту шины,
И витрины летят за окном.

И мелькают прохожие возле
В ярком свете витрин и фар,
И сквозь тощие их авоськи
Подметённый блестит тротуар.

Они всё той же мёртвой хваткой...

Они всё той же мёртвой хваткой
Всё так же держатся за власть.
И всё крадут, с ухмылкой гадкой,
Пока хоть что-то можно красть.

А нищие – они нищают,
А власть имущие – царят.
И всё сулят да обещают,
Всё обещают да сулят.

И мне всё с той же скорбной мукой
Всё та же мысль стучит в виски:
Как не отсохнут эти руки,
Не омертвеют языки?

Дмитрию Кедрину

*«У поэтов есть такой обычай —
В круг сходясь, оплёвывать друг друга...»*

Налетели гиблой стаей птичьей,
Били с разворота и по кругу.

Вы с какой, товарищи, охотки
И какая в этом вам потреба? —
Мне хватает и моей чахотки,
Я четыре дня уже без хлеба.

Может быть, за то, что в комнатёнке
Жил с женой и дочкой в Подмоскowie
И стихов издательских котомки
Вечерами правил по-воловы?

Может быть, за то, что я в анкете
Написал, что из семьи дворянской? —
Но всего дворянского в поэте
Разве верность правде окаянской.

Может быть, за то, что в дни лихие
Не сходил с крыльца военкомата,
Чтоб отправили отцы родные
На войну хоть тыловым солдатом?

Вы зачем со всей своей силёнки
По очкам? – они возьми да брызни.
А ведь я в родной дивизионке
День и ночь хранил их больше жизни.

А теперь – вот так! – из электрички.
Не хочу, чтоб кто-то был напуган...

*«У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплёвывать друг друга...»*

28.09.11 г., день

*Использованы строчки Дмитрия Кедрина из стихотворения
«У поэтов есть такой обычай...»*

Поездки в колхоз

Ни приветствий, ни слова о смычке,
В поле грязь, словно чёрная ночь,
Лишь парторг говорил по привычке:
«Что поделаешь, *надо помочь...*»

И в поклонах сутулились спины,
Словно поршни в моторах стальных.
А в сторонке – моторы-машины,
И звенели ключи возле них.

Добирали рядки на закате,
Отправлялись начальство искать,
И учётчица в синем халате
Проставляла пометки в тетрадь.

А наутро – разбитое тело,
И какой-то разлад на душе...
Боже мой, как же всё надоело!
Как поездки в печёнках уже!..

Проносит волны по болоту...

Проносит волны по болоту.
Вскипает тинистая грязь.
И уж кричит с восторгом кто-то:
«Какая качка поднялась!»

И слышишь: буря – за словами,
И видишь: за волной – волна.
А там, под этими волнами —
Всё та же вязнет тишина.

Отыграла в деревне гармошка...

Отыграла в деревне гармошка.
Стал другим деревенский народ.
Тут сейчас из любого окошка
Пугачёва с пластинки поёт.

Ну, а песен народных не слышно,
Разве в тесном, семейном кругу...
Почему так причудливо вышло,
Не один я понять не могу.

Раздумье

Значенье истинам крылатым
Мы слишком поздно придаём.
Что не додумали когда-то,
Сполна додумаем потом.

И вот за детскую наивность,
За неумелое житьё
Ведём колючее, как ливни,
Раздумье трудное своё.

Да как же так, чтоб в самой древней
Цепи звено оборвалось
И нашей матушке деревне
Стал не по силам прежний воз?

Да как же это приключилось,
Что молодёжь в родном селе,
Учась грехам, не научилась
Жить по-крестьянски на земле?

Давно пора понять нам свято
И внукам передать о том,
Что не додумаешь когда-то,
Сполна доделаешь потом.

14.12.83 г., день

Груз нехваток

И снова нежданная встреча
С тобою, столица Москва!
Опять окрыляют и лечат
И камни твои, и трава.

По улицам звонким и узким
Я снова, волнуясь, иду,
И сердце распахнуто чувствам,
Как в том, послешкольном, году.

И вновь ничего мне не надо,
Лишь только идти и смотреть
На эти резные фасады,
На эту узорную медь.

Но с чёткостью ясной рассвета
Приходит пора вспоминать,
Что надо и это, и это,
И это, и то покупать.

Семье – апельсины и мясо,
Знакомым – бельё и духи,
Учебник для третьего класса,
Известных поэтов стихи...

О, груз повседневных нехваток!
Опасней ты грузов иных,
Поскольку уж твой отпечаток
Лежит и на чувствах святых.

И я на резные фасады
Невидящим взглядом смотрю
И с горьким налётом досады
Себе самому говорю:

Наверно, в такое уж время
На свете мне жить довелось,
Что даже в лирической теме
Для критики место нашлось.

Молитва

О, Споручница грешных,
Перед Сыном явись
И за нас, неутешных,
Перед Ним помолись.

За раздоры, сомненья,
За разлад на Руси
Нам, безбожным, прощенья
У Него попроси.

За бездумье, гордыню,
За утеранный стыд,
Нас, заблудших в пустыне,
Пусть Всевышний простит.

И, живительной новью
Воскрешая сердца,
Пусть спасёт нас Любовью
Всеблаготворителя.

Перед Нежным и Грозным
Помолись горячо,
Если это не поздно,
Если можно еще...

Александру Твардовскому

Когда в колхозы толпами сгоняли
Уже во всём обманутых крестьян,
Ты в этом факте осознал едва ли
Для родины губительный изъян.

Ты верил – этим будем мы гордиться
И что победы самый верный знак
Не палец, что по сути единица,
А только пальцы, сжатые в кулак.

Но ты уже не маленькую малость
Прочувствовал, что навсегда осталось
В душе среди других святых идей —
Чтоб не по воле чьей-нибудь сжималась
Рука в кулак, а только по своей.

И вот в «Стране Муравии» мы видим,
Как по одной из тысячи дорог,
На власти большевистские в обиде,
В своей телеге едет Моргунок.

Россия! Жаром залитые дали!
Но вот, всё тем же солнышком палим,
На вороном коне товарищ Сталин,
Нежданно возникает перед ним.

Куда, мол, путь? Какая дума в сердце?
А взгляд и впрямь отточено-стальной.
И видит Моргунок – не отвертеться.
«Не буду врать тебе, отец родной.

Мне так хотелось к сорока годишкам
Построить на отшибе хуторок.
Не для того, чтоб кланять горб излишкам,
А чтоб во всём – как мне подскажет Бог.

Но тут такая буча заварилась,
Что и отшиба нынче не найдёшь.
Немало мне с лошадкой исходилось,
И всё коммуния – одно и то ж!

И ты, отец наш, дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится, ай нет
Всей этой суетории?

И жизнь – на слом,
И всё на слом —
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идём,
Так я не протестую.

Лишь об одном я, Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,

Чтоб и меня и хуторок
Покамест что – оставить.

И объявить: мол, так и так,
Чтоб зря не обижали;
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...»

Покуда неудачник-хуторянин
Перед отцом державным речь держал,
Куда-то неожиданно упрянул
Отец земель, народов и держав.

И хоть поэма дальше повествует —
Пристать к коммуне должен Моргунок,
Но сердце понимает, сердце чувствует,
Не мог он к сатане пристать, не мог.

Он разделил печальную дорогу
С твоим отцом и с матерью твоей,
Да и с твоей, – когда судили строго
Тебя, поры советской соловей.

Как иступлённо активисты вуза
Тебя винули, подкулачный брат,
Во всех грехах Советского Союза,
В чём ты, конечно, не был виноват.

Но как потом могуществом поэта

Всё тем же Моргунком на взлёте сил
Ты гневному отрепью отомстил —
И Сталинскую премию за это
Как бы на зло неправде получил.

Но и потом, над сталинской кривдой
Уже с великой мудростью смеясь,
В поэме ядовитой и нехитрой
Своих гонителей ты бросил в грязь.

Они из комсомольских пиджачишек,
Мечтая о свершениях больших,
Повырастали до высоких шишек
В костюмах элегантных а ла шик.

И уж не в комсомольские играя,
А в игры коммунистов всей земли,
Они заместо сказочного рая
Страну к могильной жизни привели.

В этом царстве-государстве
Всё на лжи и на коварстве,
И, как в жарком далеке,
Всё у власти в кулаке.

Но как Сталин не старался —
В мать этак, в мать так! —
В кулаке, видать, остался
Уничтоженный кулак.

Тёркин – «дальше тянет нить,
Развивая тему:
– Ну, хотя бы сократить
Данную Систему?

Поубавить бы чуток,
Без беды при этом...
– Ничего нельзя, дружок,
Пробовали. Где там!

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.

Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе,
Кто в Сети —
Тоже Сеть густая.

Да помимо той Сети,
В целом необъятной,
Сколько в Органах – сочти!
– В Органах – понятно.

– Да по всяческим Столам
Список бесконечный,

В Комитете по делам
Перестройки Вечной...

Ну-ка, вдумайся, солдат,
Да прикинь попробуй:
Чтоб убавить этот штат —
Нужен штат особый.

Невозможно упредить,
Где начёт, где вычет.
Словом, чтобы сократить,
Нужно увеличить...»

Пока ещё ты сталинским диктатом
Провалы нашей жизни объяснял,
Но был святым, ну а точнее – святым,
Кого отец учителем считал.

Тебе казалось, если б только встал он
Над мешаниной злых и добрых дел,
То сразу бы во всём, в большом и малом,
Все до одной ошибки разглядел.

И в тот же миг, склонившись над штурвалом,
Друзьям на радость и на зло врагам,
Повёл страну по яростным отвалам
К совсем другим, счастливым берегам.

Ещё не знал ты о письме, в котором

Добряк Ильич советы призывал
Пройтись расстрелом по церковным сворам,
Чтобы народ от веры враз отстал.

И ужас, если б он из мавзолея
Однажды вышел и глаза открыл —
Террор, еще опаснее и злее,
Российские просторы б затопил.

Ты этого не знал ещё, однако
С любой неправдой шёл открыто в бой.
Неясно было, чем грозила драка,
Да Истина была перед тобой:

«Спроста иные затвердили,
Что будто нам про чёрный день
Не ко двору все эти были,
На нас кидающие тень.

Но всё, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!»

10.12.15 г.,

Святки

*Использованы выдержки из поэм Твардовского «Страна
Муравия», «Тёркин на том свете», «По праву памяти»*

Ненужный разговор

Мне только раз обидно стало...

Мне только раз обидно стало,
Что нет в запасе ни рубля...
Тогда в больнице ты лежала.
Был день рожденья у тебя.

И как на зло цветов на рынке
Я отыскать никак не мог.
Вдруг – гладиолусы в корзинке,
Почти десятка – за цветок.

Вот взять бы все! Чтоб выше шапки,
Чтоб шёл к тебе не налегке,
Да не купить цветов охапку,
Когда негусто в кошельке...

А ты одна в большой палате,
Вдоль тела слабая рука,
И не совсем, наверно, кстати
Три целлофановых цветка.

Ты улыбнулась. Задрожали

Твои ресницы. Боль сильней.

И так беспомощно лежали

Цветы на тумбочке твоей.

Встреча

Когда-то мы учились вместе,
Сидели за одним столом,
Одни и те же пели песни,
Делились хлебом и вином.

И вот у сцены, меж рядами,
Мы с ним стоим и смотрим в пол —
В том зале, где беседу с нами
Как член обкома он провёл.

«Ну что, не очень вам наскучил?» —
«Да нет, нормально, по уму». —
«Возьми-ка вот на всякий случай
Визитку с адресом». — «Возьму».

«Что слышно нового о наших?» —
«Представь, не вижу никого». —
«А мне пришло письмо от Паши,
Совета просит моего...»

«А что?» — «Да сына взять в солдаты
Должны...» — И мы опять молчим,
Как будто в чём-то виноваты
Друг перед дружкой мы с ним.

Как будто связываем нитку...

«Ну ладно. Чао. Побегу.

Я, впрочем, дал тебе визитку.

Звони. Чем надо – помогу...»

Мечтаешь день и ночь о чуде...

Мечтаешь день и ночь о чуде,
Шуткуешь всё – *так вот тебе:*
Сосед, что справа рыбу удит —
Майор, работник КГБ.

В гражданском он:
трико, кроссовки,
Вполне демократичный вид.
И от поклёвки до поклёвки
Всё говорит и говорит.

«Чуть что – заваривают кашу.
Недавно – с площади звонок:
Мол, крикуны руками машут.
Подъехали – и в «воронок»!

Кататься любишь, лезешь в бучу,
Люби и саночки возить...
Мы их, крикливых-то, научим,
Как демократию любить...»

И он усы рукою крутит,
И острый взгляд его горит.
И не поймёшь, не то он шутит,
Не то он правду говорит.

Аргумент

Драчуном я не был,
Но, однако,
По причинам сложным и простым
Не однажды попадал я в драку
И учён был кулаком крутым.

Правда, делал выводы едва ли,
Вновь случался повод на беду...
Драки никогда не примиряли,
Драки только множили вражду.

И сейчас, когда те дни остыли,
Всё-таки хотел бы я узнать:
Что же меж собою мы делили?
Что пытались миру доказать?

Ведь сейчас об этом знает всякий:
Даже в самый *кризисный момент*
Вряд ли правоту докажешь дракой,
Тут покрепче нужен аргумент.

Вот и мать у меня отгостила...

Вот и мать у меня отгостила.
Скрылся поезд, прощально звеня.
И вся воля моя и вся сила
Как-то враз покидают меня.

И лишь в сердце, как птицы, ютятся
Промелькнувшие чувства, слова...
Вот сидим мы. Давно за двенадцать.
Но ясна и свежа голова.

– Уж, поди, на подходе и книжка?
Ты писал, что закончил её...
– С книжкой, мама,
не то чтобы слишком... —
Я скрываю смущенье своё.

– А уж мы её ждали да ждали.
Почитать собирались с отцом.
Да, видать, не житьё без печали...
– А печаль ты запей-ка винцом.

– А и вправду! – долитую рюмку
Мать, прищурившись, пить не спешит,
И смеётся, и сонному внуку
Шевелюру рукой ворошит.

– А уж мы накатались с Дениской!
Как помчимся, аж сердце замрёт.
Высоко ты живёшь или низко,
А кабинка как раз довезёт... —

И, лицо по-старушьи наморщив,
Мать молчит, и туманится взгляд.
– Это что же, вот так вот вахтёрши
Целый день под лифтом и сидят? —

Я смеюсь. Я про лифт объясняю,
И уже улыбается мать:
– То-то я удивляюсь, чудная,
Что нигде никого не видать... —

А потом, после крепкого чая,
Мать стоит у ночного окна,
И, должно быть, по дому скучает,
Хоть гостит ровно сутки она.

Освещённые отблеском лунным,
Там, внизу, с обжитой вышины
Городские цветочные клумбы
Хорошо ей, наверно, видны.

Потому и теплеет во взгляде
И спокойнее сердцу в груди:
– А соседи-то наши в ограде

Насаждали цветов – не пройти!

Да и чем заниматься на свете?
Старики ведь. Силёнок уж нет.
Березуцкой, молодке-то, Свете,
А и той пятьдесят уже лет.

Всё стареем, сынок, всё стареем.
Так, глядишь, насовсем и уйдём,
И в свой час лебедой да кипреем
К вам на землю из тьмы прорастём... —

Сквозь озноб нелегко улыбаться,
Только всё же спешу я сказать,
Что задача, чтоб книжки дожждаться,
Ну, а там до второй подождать.

Но слабеют и воля, и силы,
И шугой на реке
стынет кровь...

Вот и мать у меня отгостила.
Доведётся ли встретиться вновь?

Ненужный разговор

Соваться пришёл?
А. ПЛАТОНОВ. «*Котлован*»

Он отвык от таких разговоров —
Ни стакана с водой, ни листков,
Ни трибуны по грудь,
за которой
Словно пропасть до первых рядов.

Там, за пропастью, —
смутно, невнятно,
Как порою бывает в кино,
Скучных лиц молчаливые пятна
Расплывались в большое пятно.

И тревожиться было не нужно,
Что основа доклада стара —
Там, за пропастью, хлопали дружно,
С той же громкостью, что и вчера...

Тут же, в цехе, без явной причины,
Словно с ясного неба гроза,
И суровые чьи-то морщины,
И колючие чьи-то глаза.

И не ладятся что-то вопросы,
И ответы на них не попадут,
И усмешка, скользнувшая косо:
Мол, не больно-то встрече ты рад...

И, закончив беседу, из цеха
Он поспешно к машине идёт.
И мучительней каторги ехать
На другой многолюдный завод.

Наше общее время уходит...

Отцу и матери

Наше общее время уходит,
Как сквозь сети уходит вода.
Я ещё не состарился, вроде,
Но уже постарел навсегда.

Мне смеяться пока ещё в радость,
Но печаль растворилась в крови.
Это ваша нежданная старость
Опустилась на плечи мои.

И, шагая дорогою дальней
По осенним пожухлым полям,
Это вашей улыбкой прощальной
Улыбаюсь я прожитым дням.

И тревожная мысль, словно бремя,
Как под сердцем ножа лезвиё —
Что пройдёт наше общее время,
А за общим пройдёт и моё.

Может, это и мудро, и просто,
И чего уж поделаешь тут,
Только сердце сжимается остро

В быстротечном потоке минут...

В чужом застолье

Жадно пьёт он дешёвое зелье,
И беседа его весела,
Но минута – и снова похмелье,
И он мрачно сидит у стола.

И, слезу уронив на рубашку,
Говорит, заикаясь спьяна,
Что живёт он – душа нараспашку,
А душа – никому не нужна.

Что поэтому, может, и спился
И пришёл на случайный порог.
Если к худшему мир изменился,
Как же добрым остаться он мог?

Ведь поэзия – высшая проба,
Это совесть эпохи и страх...
И какая-то дикая злоба
Вдруг блеснёт в помутневших глазах.

И стакан, тёмным зельем налитый,
Он поспешно к губам поднесёт
И, как будто опилом набитый,
Головою на стол упадёт.

И смотрю я, сомненьями мучась,
Как он спит, отрешённо дыша...
Вот ещё одна горькая участь,
Потерявшая веру душа...

Зов родства

Когда мы были помоложе
И жили в местности одной,
У тёти Ани с дядей Гошей
Мы собирались в выходной.

А в свой черёд – у дяди Коли
И так, подряд, у всей родни
Шумело весело застолье,
Горели за полночь огни.

Сначала как бы для отваги
Под приглушённый смех и гам
Тяжёлый ковш шипучей браги
Ходил, боченясь, по рукам.

Потом в стаканы водку лили
И рыбный резали пирог,
И впрок хозяйюшку хвалили,
И ели вновь, и пили в срок.

И дядя Митя сыпал штучки,
Чем не забудется вовек:
Мол, *Сонька – золотая ручка,*
А *Лёнька – Божий человек.*

Но шла гулянка к середине,
И вот в нахлынувшей тоске
Мы пели песни о *рябине*
И *замерзавшем ямщике*.

И, в чью-то долю проникая,
Мы пели с болью в голосах,
Как брёл степями Забайкалья
Бродяга с ношей на плечах.

И вдруг врывалась в грусть тальянка,
И выходил смельчак к крыльцу,
И захмелевшая гулянка
С притопом двигалась к концу.

Ах, как плясала тетя Аня!
Как дед Андрей присядкой шёл!
Как всплески водки
из стакана
Фонтаном брызгали
на стол!

Как всё качалось и летело!
И, — милая родня моя, —
Кому какое было дело
До зимней вьюги бытия!

Мы расходились под гармошку,
И долго-долго нам вослед

Из полуночного окошка
Горел и лился ровный свет...

Теперь и чаще, и неожиданней
Доходят вести до меня,
Что к дяде Гоше с тётей Аней
Всё реже сходится родня.

Одних уж нет на белом свете,
Другие слишком далеко...
Неужто так и наши дети
От нас разъедутся легко?

И приносить им будут вести
В конвертах грустные слова?
И соберёт ли всех нас вместе
Полузабытый зов родства?

Сквозь ветер декабрьский, хмельной...

«Груз – 200»

1

Сквозь ветер декабрьский, хмельной,
Рок, песни —
Натужно гудит над страной
«Груз-200».

2

С небес безголосо вопят
О мести
Застылые трупы ребят —
«Груз-200».

3

Кошмары афганских потерь
Воскресли.
«Тюльпанами» звали. Теперь:
«Груз-200».

4

В беспамятстве мать голосит
В предместье.
Застрелен чеченцами сын.
«Груз-200».

5

Застрелены мать и отец
С ним вместе.
Безжалостны цинк и свинец.
«Груз-200».

6

Жених никогда не придёт
К невесте.
Невеста винтовку берёт.
«Груз-200».

7

Руины – последний редут,
Как в Бресте...
И беженцев толпы бредут.
«Груз-200».

8

Но цепко попутал уже
Гнев, бес ли
Сатрапов, кому по душе
«Груз-200».

9

Им грезится Новый Союз,
Хоть тресни,
И груз им, понятно, не в груз —
«Груз-200».

10

Забудем ли о палачах?
О чести?
На веки у нас на плечах —
«Груз-200».

Я плачу от бессилья...

Я плачу от бессилья.

Война, опять война.

Ах, мать моя Россия,

Кровавая страна...

8 декабря 1994 года, первые гробы из Чечни

Ни за что на свете не пойму я...

Ни за что на свете не пойму я,
Хоть пробьюсь над этим целый век,
Как разбойно на судьбу чужую
Поднимает руку человек.

Не пойму, какой метелью лютой
Зло во тьме души его поёт.
Кто ему в жестокую минуту
Право на бесчувствие даёт.

Почему ни разу в миг ненастья
Сумрак дум его не обожгло, —
Что страшнее в мире нет несчастья,
Если человеком правит зло.

Что одна единственная вера,
Стоящая смысла бытия —
Не убить ни птицу и ни зверя,
Не ступить ногой на муравья...

Сергею Есенину

*Прочитал я первый том стихов Есенина и чуть
не взвыл от горя, от злости. Какой чистый и какой
русский поэт.*

Максим Горький

Разошлись запоздалые гости.
Отогнав нетерпения дрожь,
На диван возле шляпы и трости
Ты садишься и гранки берёшь.

Невесёлое счастье поэта
Душу, будь ты хорош или плох,
В книжки вкладывать. Новая, эта —
Первый том из намеченных трёх.

Но какую щемящую силой
Типографские дышат листы! —
Не забытою родиной милой,
Где в тоске и дома и кресты.

Роковыми годами скитаний,
Где, взрослея, вскипала душа
Против бритвенных жизненных граней,
Каждый шаг свой в крови верша.

Сердце ныло, звенело, страдало,
Но ему не знаком был страх.
Где жестоких прозрений начало?
Может, в этих давнишних строках?

«Худошавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь разбитый рот:
– Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживёт»...

Но в далёком незрелом начале
И сегодняшний брезжил день —
Во вселенской смертельной печали,
Божий свет превращающей в тень.

“Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа”...

Били больно, расчётливо, гнусно:
«Что ж ты всё о себе да себе?
Напиши – вот сегодня искусство! —
О российской свободной судьбе.

За отжившей свой век деревней
Ты не видишь, как новый век
Вызревает надёжней, чем кремний,
Чтоб свободой дышал человек».

Но и взглядом ты видел и сердцем
Сквозь густую словесную тьму,
Что свободы скрипучая дверца
Открывает дорогу в тюрьму.

Открывает дорогу в забвенье,
Открывает дорогу в ничто.
Кто из русских такое смирение
В сердце впустит? Смирится кто?

И в кремлёвскую волчью стаю,
Как великий российский пророк,
Ты швыряешь «Страну негодяев»,
Главарей посшибавшую с ног.

Гэпэушники в пене и в мыле.
Всё настойчивей, всё смелей
Намекали, пугали, просили:
«Извинись перед ними, Сергей!»

Мол, одними лишь чувствами дышишь,
И от этого скользкая жизнь.
А по пьянке чего не напишешь.

Извинись, дорогой, извинись!

Но обман ты ухватывал чутко
И бросал им шутя, на бегу:
«Я ведь всё-таки Божья дудка.
Ничего изменить не могу».

И тогда тебе так сказали:
«Сам к себе ты излишне строг.
Этот год проживёшь едва ли,
Подводи, дорогуша, итог».

Эх ты, жизнь! Ты и вправду приснилась!
И отлит уж для сердца свинец,
И сидишь ты, без права на милость,
Самый лучший российский поэт.

До последней решающей драки,
Где ударят сильнее, чем под вдох,
Надо выправить свежие гранки
Первой книжки из плановых трёх.

Пусть твой взгляд уже не увидит
Этой книжки, ведь дело не в том,
Но есенинский все-таки выйдет
Хоть один, но классический том! —

Вдруг разбил тишину «Англетера»
Ключ, упав из двери на паркет.

Вот те раз! – воровская манера?
Но не вор там, не вор там там, нет.

Дверь пинком хулиганским открылась.
Гэпэушники – хуже, чем тать.
«Всё б ты, божья свистулька, трудилась.
Но пора уж и совесть знать!»

И врасяг рукояткой нагана
В переносье ударил главарь.
И вскипела смертельная рана.
Вкус железа во рту, как встарь.

И уже прошептал ты не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«– Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживёт».

Процитированы строфы
из стихотворения Есенина
«Всё живое особой метой...»

Экспромты

1

О РУСЬ! СОЖЖЁН ТВОЙ ТРЕБНИК...

О, Русь! Сожжен твой требник,
Безумцы правят бал.
Очередной волшебник
Тебя околдовал...

2

РОССИЯ – ЭТО НЕ МОСКВА...

Россия – это не Москва
И не пути, Кремлём указанные,
А это Божии слова,
В начале Новой Эры сказанные.

30.05.12 г., день

3

РУСЬ! РОССИЯ!

ТОНЕШЬ ТЫ В РАЗВРАТЕ...

Русь! Россия! Тонешь ты в разврате.

А вокруг цветение и синь.

Помолись за нас, о Божья Мати!

Ты прости грехи нам, Божий Сын!

30.05.12 г., день

Стихи о всеобщем терроре

Когда святой порыв к свободе
Террором по кремлёвской моде
Державный объявляет хлыст, —
По сути, по своей природе,
Он самый главный террорист.

Когда над нацией изгоев
Кровавый занесён топор, —
Скажите, что это такое,
Как не разбой и не террор?

И если снова брат на брата,
И ложью кровоточит жизнь,
И крахом будущность чревата, —
То это ли не терроризм?

В стране, где душно и нечисто,
Где не видать сквозь ложь ни зги,
Мы все для власти террористы,
Изгои, нелюди, враги.

Как пасынки в округе отчей,
Уже отвыкнув от зарплат,
Бастует террорист рабочий,
Бунтует террорист солдат.

И, новой ложью одурманен —
И на земле, и без земли —
Пьёт водку террорист крестьянин
В своей отверженной дали.

И, кланяясь проходим низко,
На ледящем сквозняке
Стоит старуха террористка
С подачкой нищенской в руке.

Когда опустится рука...

Когда опустится рука,
Когда померкнет тайна слова,
Я собираюсь в путь.
Я снова
К себе иду издалека.

О, этот путь себя к себе
Через ошибки и паденья,
Как сквозь ночные наважденья
К огню
в возникшей вдруг избе.

И вот я вновь в родном краю,
За расставание повинный,
Под белой выюгой тополиной
На берегу реки
стою.

И, поднимая над бедой,
Река за всё меня прощает.
И очищает,
очищает
Своей прозрачною водой.

И, как в былые времена,

Я полон свежих сил.

И снова

Таинственно мерцает слово,

Как светлый камешек со дна.

Не нравится служить народу?

Шесть лет молчала муза...

Шесть лет молчала муза,
Шесть вековечных лет.
Советского Союза
Уже в помине нет.

И только кроваисто
Знамёна той страны
В руках у коммунистов
На митингах видны.

Их партия распалась
Империи под стать,
И только и осталось
Бузить, митинговать.

И нараспашку груди,
И злой огонь в словах.
Но мимо,
мимо
люди
С усмешкой на губах.

Они навоевались,
Вот здесь им гнев и злость.
Не в маленькую малость, —
В смертельную усталость
Им это обошлось...

Всё прочитал. Мороз по коже...

Всё прочитал. Мороз по коже.
Но он нажал на тормоза:
«Да нет, такого быть не может,
Наврут, что хочешь, за глаза...»

А ночью, от раздумий жалкий,
Крутился с боку на бок, встал
И, прикурив от зажигалки,
Опять статьи перечитал.

Потом пошёл в гараж, к машине,
И в засветлевшей тишине
Сорвал его портрет в кабине
И сжёг на газовом огне.

Поспорили, поговорили...

Поспорили, поговорили.
И жизнь по старым колеям
Пошла, как будто мы забыли,
Как этот путь достался нам.

Овраги, рытвины, болота;
И лишь под горку иногда,
Как тень бывалого полёта —
Чуть убыстрённая езда.

Так вправду мы забыли, что ли,
Как, расплескав застойный быт,
На тройках проносились в поле,
Лишь только свист из-под копыт?!..

Но обступившие болота
Чадят дурман со всех сторон,
И беспробудная дремота
Нас то и дело клонит в сон.

Трусит лошадка без разбега
В обвислой сбруе, как в колье.
И сочно чавкает телега
В залитой грязью колее...

Виктору Астафьеву

Ах, земляк ты мой родной,
Землячище!
Как хотел ты шар земной
Сделать чище.

И чтоб русская земля
То и дело
От ворья и от хамья
Не скорбела.

По-сибирски наповал,
В дни разрухи
Как ты всем им раздавал
Оплеухи!

Как от строчек болевых
Поимённо
Пунцовели морды их,
Как знамёна.

Но ушёл ты в синь и тишь.
Над рекою
Под могильною лежишь
Под плитою.

И кипит наверняка
Дух твой вечный:
Как там люди? как река?
Лес заречный?

А река плеснёт волной,
Столь же мутной,
Только более хмельной
И мазутной...

Не люблю одного человека...

Не люблю одного человека
За большую неправду его.
В суматохе безбожного века
Он, как в сказке, достиг своего.

Скрыв и мысли, и чувства, и страсти,
И дела, от которых озноб,
Раз! – и он оказался у власти
И корону надвинул на лоб.

И старушки болезные рады,
Бьют поклоны: «Какой молодой!»
И расправы, враньё, и парады,
И война закружили страной...

Пусть не принято так на параде,
Но, срывая молчанья кольцо,
О большой непридуманной правде
Я скажу ему нынче в лицо.

Из записной книжки

1

НЕ НРАВИТСЯ СЛУЖИТЬ НАРОДУ?...

Не нравится служить народу?
Сподручней дьяволу в угоду?
Но помнить, право же, не в труд,
Что есть ещё и Божий суд!

1.10.13 г., день

2

Я ДО НЫНЕШНИХ ДНЕЙ СОМНЕВАЛСЯ...

Я до нынешних дней сомневался,
Как с мечом мне по жизни идти.
Боже мой! Как же я ошибался!

Ты прости мне сомненья мои.

4.11.12 г., ночь

3

НАХРАПИСТУЮ ЛОЖЬ ВЛАСТЕЙ...

Нахрапистую ложь властей
Господь – настанет срок – осудит.
Да будет это поскорей!
Да поскорее будет!

15.01.13 г., вечер

Нет в России политзаключённых

*Нужно мыслить без страха.
Послушай, мой дорогой:
Мы уберём Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Сергей ЕСЕНИН. «Страна негодяев»*

Нет в России политзаключённых.
И откуда им, нехристям, быть?
Власть по числам нечётным и чётным
Не устала народ свой любить.

Нипочём ей дорожные кочки —
Самолёты по тучкам летят.
У Медведева круглые щечки,
И лоснится у Путина взгляд.

3.10.13 г., день

Кого мы только не бранили...

Кого мы только не бранили
За то, что нёс стране беду...
Но Русь мы сами погубили,
Тогда, в семнадцатом году.

Теперь до смерти будут сниться...

Теперь до смерти будут сниться
И эта улица и дом,
И двор наш, и соседей лица,
И шум протоки за углом.

И не стареющие вроде,
Каким бы летом жизнь ни шла, —
Отец у грядок в огороде
И мать на кухне у стола.

И плот сосновый, и протока,
И синий катер «Ленгидэп»,
И в майку спрятанный до срока
Прихваченный из дома хлеб.

Песок на солнце раскалённый,
Воды зелёной пелена,
Когда жарю опалённый
Нырнёшь за камушком со дна.

И леденящая прохлада,
И ты, как пробка, рвёшься прочь...
И что ещё для сердца надо,
Чтоб с болью помнить день и ночь!

Из проволок колючих кружева...

Кэгэбэшное правленье устарело,
Но из проволок колючих кружева
Всё плетёт, хотя уже и неумело,
Ну, да этим вечно славилась Москва.

9.10.12 г., день

Из протоиерея Димитрия Троицкого

Про Истину забыла Русь.
В загоне Истина повсюду.
Но горе, если утрашусь
И возвещать о Ней не буду.

28.02.15 г.,

Апостола от 70-ти Онисима

Утонула седая дорога...

Утонула седая дорога
В тишине задремавших полей.
Далеко до родного порога
В знойный полдень идти мне по ней.

Долго вёрсты забытые мерить,
Капли пота стирая с лица.
Выбиваться из сил.
И не верить,
Что дороге не будет конца.

Стансы

Я более всего за то себя браню,
Что не в слезах прошу у Бога благодати,
И строчки, те, что я сегодня сочиню,
Не знаю точно, кстати будут иль некстати.

Я слишком поздно стал на узкую тропу,
И хоть успел усвоить суть Христовых истин,
Я из себя не выдрал прошлого скобу,
И этим прошлым и растерзан, и освистан.

Я к свету Господа так искренне стремлюсь,
Но жутким прошлым,
словно ножиком, изрезан,
И, словно заново, как ты, рождаюсь, Русь,
И, словно кандалы, в душе моей железо.

Я знаю мне в пути своих не хватит сил,
И я прошу у Господа, пока не поздно,
Чтоб Он от прошлого меня освободил,
И научил меня молиться Небу слёзно.

И чтоб России с болью справиться помог,
И чтобы дал ей позабытой благодати,
И чтобы родники рождённых сердцем строк
Лишь только кстати были,

были только кстати.

30.12.11 г., ночь

Вот и сникла душа под напором...

Вот и сникла душа под напором
Грубых сил, подкосивших вконец.
За кладбищенским серым забором
Успокоились мать и отец.

Раньше знал, что по старому следу,
Пусть уже не таким молодым,
Я под осень к ним в гости приеду,
И мы вновь за столом посидим.

Поболтаем – сердца нараспашку,
И я всем – коньячку подолью,
И отцу – подарю я рубашку,
Ну, а маме – платок подарю.

И казалось, не кончатся речи,
А с речами и рыбный пирог;
И опять при случившейся встрече
Я ступлю на родимый порог.

Но смешались дороги и вехи,
И ушла молодецкая статья,
И мне не к кому больше приехать,
Да и денег, увы, не собрать.

На сиротскую боль обречённый,
На земле я не долгий жилец...
Жаль, что я до сих пор не крещёный,
Был бы Бог мне и мать, и отец.

Из Даниила Сысоева

Он спешил на вершину
пока недостроенной башни,
Чтоб спросить Люцифера
о грянувшей буре свирепой.
И уже был у цели,
но в огненной молнии страшной
Башня рухнула вниз,
несмотря на могучие скрепы.
Так закончился труд
горделивый, великий, нелепый.

4.07.12 г., день

Осенние леса полны листвой...

Осенние леса полны листвой,
Но не шумливой, а уже опавшей,
И одинокий ветер набежавший
Свистит в пустых ветвях над головой.

А как с утра я вышел торопливо,
Как радовался дальнему пути! —
И вот уж мне тревожно и тоскливо,
Хоть самому разбойником свисти.

Как будто я как сорванный листок —
И ни отца, ни матери на свете,
И средь чужбин, в пустые чащи эти,
Мой жалкий путь скитальческий пролёг.

И мне уже ни в чём отрады нет,
И я бегу обратно как придётся.
И стылый ветер ухает, смеётся,
Свистит сквозь ветки голые вослед.

Лили-путинки

Я рано встал, да вышел поздно...

Я рано встал, да вышел поздно.
Сияет льдистая луна.
И снежный путь блестит морозно,
И даль лазурная ясна.

И я иду походкой юной,
И так легко в душе нести
Покой морозной ночи лунной
И ясность позднего пути.

Гостинец из Сибири

(Воспоминание)

И сказали умные соседи:
«Да какой же это огород?
В этой каменистой тесной клети
И трава, пожалуй, не взойдёт».

Но отец, ни слова не ответив,
Всю весну загонку расчищал,
Высадил рассаду и всё лето
Закуток водою поливал.

Словно раб под плёткою трудился,
Как в заклетье, веря в свой успех,
Ну, а урожай не уродился,
Помидоры выросли с орех.

И соседи, видя неудачу,
Говорили в гордости своей:
«Получилось так, а не иначе.
Мы ведь говорили, Алексей...»

Но однажды подошла старушка,
Что жила квартала через три,
И сказала: «Чтоб была послушна,

Ты её, земельку-то, сдобри...»

И ушла, стуча своей клюкою.
И, как только этого и ждал,
Мой отец очнулся, и с весною
Чем-то странным запастись стал.

Из «Сельхозтоваров» в изобилие
Слитки каменистые принёс
И за порошковой едкой пылью
Съездил на автобусе в колхоз.

И, когда опять пора настала,
Целый день в загонке проводил,
Лишь под вечер, громко и устало
В кухню подвальную входил.

«Ну-ка, мать, корми скорее щами», —
И, переведя маленько дух:
«Нынче, точно, будем с овощами,
Не земля, а лебединый пух!»

Так, в заботах, пролетало лето.
И отец уже в конце его
Понял, что из доброго совета,
В общем-то, не вышло ничего.

И опять соседи не без смеха
Видели, что каждый помидор

Был чуть больше грецкого ореха —
Как непослушанию укор.

И уже понуро и устало
Мой отец за щами говорил:
«Видно, фосфорита было мало.
Да назьма чуток не доложил...»

Знал ли я, что позабыть сумею
В суматохе собственных забот
Странную отцовскую затею
И его аршинный огород?

Выпала далёкая дорога.
В гости звал отца. Да только вот
Отвечал он: дескать, очень много
Времени идёт на огород.

Ну и огород! – Я улыбался,
Старика в чудачествах виня.
Вдруг, открыв посылку, растерялся:
Полыхнули пламенем в меня

Помидоры!.. огненные гири!..
Сверху лист с припискою в конце:
«Это вам гостинец из Сибири.
Вспоминайте чаще об отце».

Лили-путинки **(Из романа в стихах «Шинок** **Безмена Бизнесменова»)**

1. Определение жанра

*Эти лили-путинки —
Жизни промежутинки.
Смотришь, смотришь —
смысла нет,
Даром выкуришь
кисет...*

2. Взятки гладки

Если наших, словно мух,
Бьют, как говорится,
Путин в нас вселяет дух —
С гор на лыжах мчится.

Ну, а наши бьют чечен,

С видом одиозным
Он летит с кремлёвских стен
На руины в Грозном.

Там вручает ордена
Воинам-калекам.
Жаль, позднее будет нам
Заменит их некем.

Срок настанет сеять-жать,
Груз таскать на стройках,
А у них режим – лежать
На больничных койках.

И не врежешь в тот момент
Ни по чьей сопатке —
Будет новый президент,
Взятки будут гладки.

3. Всё наоборот

Обещал он всей стране:
«Дайте срок – упрёмся,
Отобьём рога Чечне —
И за Русь
возьмёмся...»

За Ичкерию-Чечню
Он и вправду взялся:
Редкий кустик на корню
Там стоять остался.

Все как есть боевики
Мокнут по сортирам.
Только тех, кто кунаки,
Отпустили с миром.

В ножны вложены мечи,
Стол накрыт к обеду.
Затрубили трубачи
Громкую победу.

Но в великий миг судьбы
Что-то вышло боком:
Из Чечни пошли гробы
Траурным потоком.

Не успеют здесь отдать
Почести солдатам,
Там уж надо начинать
Ход давать лопатам.

И корячатся мозги:
Как же? Кем убиты?
Если все боевики

Напрочь поразбиты?

Или, может, глядя в рот
Шалуна Господня,
Понимать наоборот
Надо всё сегодня?

4. Два хранителя России

Как хранил Россию Ельцин,
Помнит русский и чечен:
Только лишь горчицу с перцем
И оставил старый хрен.

С жирной ратью олигархов,
С расплодившейся «семьей»,
Он чванливее монархов
Жил голодною порой.

У людишек были вклады —
Их забрали «дела для».
Цен безмерные громады —
Вновь кормушка
для Кремля.

Сумасбродные налоги —

Калькулятор лопнет аж:
На милицию, дороги,
НДС, процент с продаж...

А какой навар безбожный —
На Чечне деньгу крутить!
А потом вдруг стало можно
Всем зарплаты не платить...

Что бы с прочим миром случилось? —
Тьма, разруха, страшный вид...
Ну, а Русь – слегка распалась,
Но натужилась, стоит.

И когда юнца-мессию
Срок пришёл на трон садить,
Ельцин дал наказ: «Россию
Пуще матери хранить!»

И преемник слов не спутал:
«Сохраню Россию-мать!»
Сохранит Россию Путин.
Отчего ж не сохранять?

Олигархи – высшей пробы,
Каждый дубом в деньги врос.
Случай выпадет особый —
Вмиг Кремлю деньжонок воз.

И чеченскую кормушку
Сохранит он на века —
Потеряют безделушку,
Впишут: три штурмовика.

Про налоги и про цены
Не забудет новый царь,
Про успехи пышной пены
Понапустит, словно встарь.

И с коррупцией бороться
Он, конечно же, начнёт:
Бедный стрелочник найдётся,
Ну а нет, он сам найдёт.

Так и станет Русью править,
Как бы, значит, Русь хранить.
Царедворцы —
будут славить,
А народец —
материть.

5. Надо умудриться...

Говорят, что места чуду
Нынче нету. — *Ей же ей!*

Вздорожала нефть повсюду,
Продавай да богатей.

Повышай зарплаты смело,
Долг по пенсиям плати
И доходнейшее дело
Всем на зависть заводи!

Скажем, делай самолёты,
Повышай их скорость, класс...
Но царьку пришла охота
Крыть снарядами Кавказ.

И пошёл герой трудиться,
Превратил все деньги в пар...
Крепко надо умудриться,
Чтоб прошляпить Божий дар.

6. Диктатура – без закона

Он сказал с лицом иконным
Русскими словами:
Диктатура, мол, закона
Будет править нами.

Вот с тех пор она и правит,

Только почему-то,
Словно танк, людишек давит
Каждую минуту.

Приведу вам для примера
С журналистом случай.
Про войну писал, холера,
Факты – свежей кучей.

И всё было бы неплохо,
Если б в фактах-вехах
О потерях – только кроха,
Море – об успехах.

Но безбожный тот писака
Делал, как не надо:
Где должна
была быть
врака,
Там зияла
правда.

Раз сказали: так не делай,
Делает, зловердный!
Ишь, какой нашёлся смелый —
Мигом будешь бледный!

Был писака – и не стало
Бедного писаки.

Был – и словно не бывало,
Так, одни лишь враки.

Правда, позже он нашёлся.
Ходит. Смотрит. Дышит.
Но ожёгся,
накололся,
Про войну не пишет.

Нахватал шлепков и шишек,
Большого не надо.
И таких теперь людишек —
Армия-громада.

Вот такая вот фактура
К нынешнему лету.
Диктатура? – Диктатура!
А закона —
нету...

Давно взрослеть пора...

Давно взрослеть пора.
Война, не зная брода,
Наглеет год от года.
Для Путина – игра,
Но горе – для народа.

24.02.19 г.,

Неделя о блудном сыне

Собаке по имени Бим

Дай, Джим, на счастье лапу мне...
Сергей ЕСЕНИН

Милый пёс мой, умная собака,
Вот мы и расстались навсегда.
Грустные глаза твои из мрака
Душу прожигают сквозь года.

Помню, как на частые уколы
Ты скулил в обиде на людей
И лежал притихший, невесёлый
В долгой неподвижности своей.

А потом... потом была деревня.
Воздух – как целебное питьё.
И лечили травы и деревья
Тело исхудавшее твоё.

Добрая, всесильная природа,
Соки и дыхание земли
Жизнь тебе вернули за полгода,
Что врачи не очень-то смогли.

Помнишь, пёс,
как в жаркий полдень лета

Мы по роще бегали с тобой?
Сколько было музыки и света
Под её тенистою листвою!

И, устав, в густой траве душистой
Ты лежал, чтоб вновь набраться сил.
И за мной твой умный взгляд лучистый
По-собачьи преданно следил...

А потом пришло письмо под осень,
Страшное, в ненастный день один.
В роще задушил тебя и броси
Чей-то человеческий сучий сын.

Горькие слова писала тёща.
Плакала, читая их, жена.
Словно наяву я видел рощу,
Но она, как ночь, была темна.

Время шло. А дни не стёрлись эти,
И в душе не высохла слеза.
Многое отдал бы я на свете,
Чтобы палачу взглянуть в глаза.

Не много в степенности толку...

Не много в степенности толку,
И в гордости правда не вся.
Иду босиком по просёлку,
Ботинки в котомке неся.

Иду от ложбинки к ложбинке
И края не вижу вдали.
Звенят под ногою дробинки
Прибитой грозою земли.

Пунктиром шумливые колки
Мой странный наметили путь,
И ветром прохладным и долгим
Никак не надышится грудь.

Ну что же! Вот грёзы и сбылись,
Пусть поздно, пусть в самом конце.
И синие дали открылись,
И ласковый свет на лице.

Как будто все скорби и муки,
С печалью, сомненьем, тоской —
Остались в покинутом круге
Постылой тщеты городской.

Нам снова навязали Путина...

Нам снова навязали Путина —
Деляг безбожных глупый щит.
Уже не жизнь у нас, а муть одна,
Уже страна по швам трещит.

Уже под морем нефтегазовым
Не видят власти, что народ
Каким-то чудом водолазовым
Ныряет, дышит и живёт.

Ну что ж, молитесь вновь на Путина.
Быть может, он и нефть, и газ,
И нас, бесправьем диким спутанных,
Европе-Азии продаст.

29.11.11 г., ночь

Неужели вы не видите, что это властолюбец?

Неужели вы не видите,
что это властолюбец?
Неужели вы не видите,
что ради власти он
Против нищего народа
императорский трезубец
Повернёт, нарушив нагло
волю Бога и закон?

Неужели вы не знаете,
что горы обещаний
Он с себя легонько сбросит,
словно их и не давал?
И останется героем
телерадиовещаний,
Создавая демократа
недоступный идеал?

Ну, а разве не по воле
кэзэбиста-демократа,
Столько лет бездарно-грязных
просидевшего в Кремле,
Разорвали Русь на части,

как на части рвёт граната,
Те, кто хапал миллиарды
в воровской кромешной тьме?

Разве это не по воле
демократа-кэгэбиста
Все заводы развалились,
все поля позарасли,
И спивается народец,
наркоманит в жизни мгlistой,
В загнивающих просторах
нашей матушки земли?

О! такой народец просто
одурачить и обставить —
Обещай поднять зарплату
да винца пообещай.
За одно уже за это
он начнёт владыку славить
И хвалить его таланты,
только уши наостряй!

Боже мой! Каким дебильством
наградила нас природа
За отход от чистых, светлых,
славных замыслов Христа!
Ты прости, Господь, измену
неразумного народа,
Дай раскаянье несчастным,

распечатай нам уста.

За грехи большие наши —
и большие наказания:
Этот грязный и коварный
к власти гибельный приход,
Это в гнусном унижение
вековое прозябанье,
Это наше *сверхтерпенье*
возгордившихся господ.

Дай нам разума и воли,
как в годину дальней смуты,
Инодумцев-иноверцев
в шею выгнать из Кремля,
Чтоб с Россиюшки великой
пали путинские путы,
Чтоб вздохнула полной грудью
наша русская земля.

6.03.12 г., ночь

Предчувствие стиха...

Предчувствие стиха,
И дальняя дорога:
Быть мёртвым для греха,
Но быть живым для Бога.

12.06.13 г., день

Как нам жить после наглых обманов?

Как нам жить после наглых обманов?
Как нам жить, угодившим в беду?
Рано утром истерзанный встану
И в соседнюю церковь
пойду.

Опущусь перед строгим распятым
И Спасителю с болью скажу:
«Жить с любовью положено к братьям,
А я зло на кремлёвцев
держу.

Да и как мне любить их, родимых,
Если столько вреда для страны
Принесли они, воины мнимых
Перемен,
под смешок сатаны?

Я про беды свои забываю,
Денег нет,
ремешком затянусь.
Но бороться в стихах продолжаю
За народ мой несчастный и Русь.

Знаю,

власть нам даётся от Бога,
Но позволь мне её не принять.
Разрешь непокорно и строго
Каждый шаг её злой обличать.

Боже, Боже!
Пусть грех мой великий
Оправдается поступью дней,
Чтобы правды пречистые лики
Воссияли над Русью моей».

9.03.12 г., вечер

Любая власть дана о Бога...

Любая власть дана от Бога,
И с ней мириться мы должны.
Но эта власть – от сатаны,
И мне рога её видны,
Ведь я поэт, пророк немного...

7.05.2006 г.

Где-то в просторе далёком...

Где-то в просторе далёком, —
Где, я и сам позабыл, —
Стынут под снегом глубоким
Холмики ваших могил.

Чем же я вас отопрею
В этот жестокий мороз? —
Поздней любовью моею?
Жгучими каплями слёз?

Но сквозь вселенские дали
Токи сыновней любви
К вам не дойдут, и едва ли
Слёзы пробьются мои.

Знаю, и солнце не сможет
Души ушедших согреть.
Что же так мучит и гложет
Сердце, узнавшее смерть?

Или и в сердце остылом
Боль сиротливо растёт —
Так же, как в мёртвой пустыне
Тайный оазис цветёт?..

Вот и расплата настала,
Больно и пусто в душе.
Даже письма, как бывало,
Я не пошлю вам уже.

Евгению Евтушенко

Говорят, олиричивать надо
Гнев рассерженной лиры моей.
Я и сам бы охотней рулады
Сочинял для улады людей.

Да рулады тогда лишь охотно
С беззаботных срываются струн,
Если в мире светло и свободно,
А душою беспечен и юн.

Но душе не легко оставаться
Молодой и беспечной, когда
Над странкою ненастья клубятся
И гремит за бедою беда.

Разве вспомнит душа о лиризме,
Если новый обман у ворот,
Если в нашей истерзанной жизни
Так забыт и унижен народ.

Но без правды – и песни не выйдет.
Широко и свободно дыша,
Зло и правду душа лишь увидит
И услышит их – только душа.

И, лиризма цветы отмечая,
Пусть их горы уже нанесло,
Скажет людям, где правда большая,
Где смертельно опасное зло.

Так, в награду за пулю в нагане,
Что сразила его наповал,
Маяковский в бичующей «Бане»
О партийном начпупсе писал.

Так Есенин, на карту поставив
Жизнь и честь перед стаей лжецов,
Гнев и правду «Страны негодяев»
В лица главных швырял подлецов.

Потому что душе лишь привычней,
Не уму, а душе лишь одной,
Где лиричней, а где сатиричней —
Выбрать лиры сердечный настрой.

*23.04.12 г., день,
Великий Вторник*

Страшно качает деревья...

Страшно качает деревья
Северный ветер ночной.
Словно природы кочевье
Путь совершает земной.

В шуме листвы хлопотливом,
В диком порыве ветвей
По городам и по нивам
Хлещет рекою своей.

Странное это стремленье!
Бьётся, как порванный флаг.
Хочет пропасть в отдаленье,
А от окна – ни на шаг.

И, как деревья бушуя,
Душу я тешу свою,
Но, в шуме листьев кочуя,
Всё у окошка стою.

Странное это кочевье
Нынче случилось со мной.
Страшно качает деревья
Северный ветер ночной.

12.06.12 г., день

К Любви! К Христу! – почти кричу...

Летят, летят косым углом...

*Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет.
О чём звенит, о чём, о чём?
Что плач осенний значит?*
А. БЛОК. «Осенний день»

В минувший год осенним днём
Я вышел из пролеска.
Мир сник от тишины кругом
И солнечного блеска.

И вдруг в прогретой тишине,
Почти за небосклоном,
Неясный звук стал слышен мне
Звонящим странным стоном.

Я полем по жнивью шагал
И понималось смутно,
Что дальний стон не затихал,
А нагонял как будто.

Я оглянулся, журавлей
Приметив еле-еле,
Шеренгой ломаной своей
Они на юг летели.

Легко пронзая синеву
И солнечные дали,
Они по правде, наяву
Так жалобно стонали.

О, этот тихий, скорбный стон,
С курлыканьем молебным!
Как разрывал мне сердце он
Над сжатым полем хлебным.

Два наших горя бились в лад,
Надрывно вместе плача,
И понял я,
о чём звенят,
Что стон их долгий значит.

Я в думе горестной своей
Таил печаль и жалость,
Что хлебных на Руси полей
Почти что не осталось.

А журавлям и ночь и день,
Болотных топей глуше,

Безлюдье сёл и деревень
Терзало птичьи души.

Вот и рыдали над земным,
Родимым пепелищем, —
Российским, нашенским, таким
Безрадостным и нищим.

Мы браним тебя чуть ли не матом...

Мы браним тебя чуть ли не матом,
Что ты в рабской живёшь нищете.
Ну, а ты не живёшь – ты распята,
Как разбойник на смертном кресте.

В удивительных водах крещения,
Что и вправду сама чистота,
Избрала ты святое служенье
Незапятнанной правде Христа.

Долго к жизни в Христе привыкала,
Груз языческих пут волоча.
И уж камнем незыблемым стала,
Но в вольтеровский век потеряла
Остроту неземного меча.

И, сам меч потеряв напоследок,
Ты тропинкой Иуды пошла.
Тот за тридцать еврейских монеток,
Ты бесплатно Христа предала.

И однако не все россияне
Покорились ударам хлыста!
Звёзды тысяч имён воссияли
За великую правду Христа.

Конвоиры кричали: «А ну-ка
Сбросьте крестики! Будет наука
Остальным с вашей лёгкой руки».
Вы в ответ им: «Да нет, большаки,
Ни к чему нам иудова мука.
Лучше сразу стреляйте, братки».

Но другие, не ведая сраму,
Принимали как должный удел —
Что взрывали часовни и храмы
И вели христиан на расстрел.

Широко шла Россия, да тесно
Вышла к подлости и нищете.
Дал Господь ей последнее место —
На кровавом голгофском кресте.

На кресте векового безверья,
На кресте векового вранья,
На столетнем кресте лицемерья —
Под нависшею тьмой воронья.

И летят сквозь потёмки и стылость
Пустобрёхов кремлёвских слова,
Что Россия уже возродилась,
А Россия – почти что мертва.

Гей, Россия! За прошлые бденья,

За остаток растрченных сил
Испроси у Владыки прощенья,
Воскресенья нам всем испроси!

Может, ради нездешнего света
На последней туманной черте
За раскаянье честное это
Он простит нас на смертном кресте.

*14.04.12 г., день,
накануне Пасхи Христовой*

К Любви! К Христу! – почти кричу...

Памяти Михаила Анищенко

– К Любви! К Христу! – почти кричу. —

Иначе ты умрёшь, эпоха!

Но отвечает: – Не хочу.

И с Вельзевулом мне неплохо.

Жить без Бога – это значит то же...

Жить без Бога – это значит то же,
Что и вовсе на земле не жить.
По природе каждый смертный должен
Идеалу высшему служить.

Для кого-то – это сила власти,
Для кого-то – сила красоты,
И выходит, сила чувства, страсти
Выше всякой в мире высоты.

Мы в страстях родимся и взрослеем,
И стареем в этих же страстях.
Даже, умирая, не умеем
Угасить в себе и скорбь, и страх.

Как мешки мукою, мы страстями
Так набиты, что трещать по швам
Мы начнём, лишь грубыми руками
Рок жестокий прикоснётся к нам.

И куда мы с этим глупым грузом —
Если всё небесное вокруг?
Только по инерции и юзом
В те места, где пламя вечных мук.

Что мы скажем ангелам и Богу,
Как начнём духовный разговор,
Если всю нелёгкую дорогу
Поземному жили до сих пор?

Но ведь были, были же минуты,
И в просветы чистые душа
Жизнь свою меняла очень круто,
Незнакомой вечностью дыша.

Так и жить бы ясностью небесной!
Прочь страстей неумолимый гнёт!
Но диктат неистребим телесный,
Ни на миг покоя не даёт.

И опять в оковах воля наша,
За приказом новым поспевай,
И кипит страстями жизни чаша,
Пьяной пеной плещет через край.

И опять земное нам дороже.
Как ему, родному, не служить!
Но без Бога – это значит то же,
Что и вовсе на земле не жить.

5.04.12 г., ночь

Берёза на спуске в подземный гараж...

Из каменной стены крутого спуска
В подземный платный городской гараж
Берёза выросла, светла по-русски,
Преобразив район элитный наш.

В районе всё по вкусам европейским —
Газоны, клумбы, тумбы на пути
И деревца подстриженные. Не с кем
В минуту злую душу отвести.

А это чудотворное создание
Вдруг в неположенные день и час
Пускалось в цвет весною самой ранней
И нежной кроной радовало глаз.

Ещё дремала скучная природа,
И лёд хрустел в тени по сторонам,
Берёза же, без племени и рода,
Уже листвой шептала что-то нам.

Так и росла она, не унывала,
Как дикий куст растёт в граните скал.
Её стена от ветра защищала

И серый камень солнцем согрел.

Но как-то утром, выйдя на прогулку,
Увидел я – охранник-инвалид
Своей бензопилой визгливо-гулкой
Берёзу помертвелую крушит.

«Ты что же тут, разбойник, вытворяешь!
Ты красоту Господнюю сгубил!»
А тот в ответ: «Не ведаю, товарищ,
Каким бы ты в моей одежке был».

Убрал пилу охранник-инвалид:
«Тут хошь не хошь – начальство заставляет.
Царапает машину, говорит.
А сам под мухой всякий раз въезжает».

«И что, всегда под мухой, говоришь?»
«Всегда, браток. Тверёзым не бывает»... —
И вот берёзы нет. Опилки лишь.
И пень стенные камни раздвигает.

И жалкою охапкой свежих дров
Лежит берёзонька – внизу, у входа.
А ты, её знакомец, будь здоров,
Гуляй, тебе дарована свобода.

Да вот куда пойду встречать зарю
На предосеннем матовом рассвете?

Ни с кем теперь уж не поговорю
Вот здесь, на этом низком парапете.

24.10.18 г.,

Собор преподобных Оптиных святых

25.10.18 г.,

Иерусалимской иконы Божией Матери

На базаре

Не тот базар сейчас, не тот —
Без ветхой, сношенной одежды,
И дядя Гриша у ворот
Уж не играет на гармошке.

Среди окурков, шелухи,
В шинели старенькой солдатской,
Он разворачивал мехи
И пел о битве Сталинградской.

Все знали песню наизусть,
Но дядю Гришу окружали
И хрипловатой хромки грусть
В который раз переживали.

И слёзы капали в платки,
И в пояс кланялись старушки,
И глухо бились медяки
О жёсть глубокой мятой кружки...

Не тот базар сейчас, не тот.
Дивлюсь богатому излишку.
Вдруг примечаю у ворот
Лет восемнадцати парнишку.

Где песню грустную играл
Солдат безногий неустанно,
Парнишка джинсы продавал
С наклейкой импортной «Монтана».

«Почем?» – «Дешёвка! Два куска.
За это три берут обычно...» —
И важно хлопает рука
По этикетке заграничной.

Парнишка бойко торг ведёт,
Толпится покупатель строгий,
А мне всё кажется, что вот
Солдат появится безногий.

И, потеснив людей кольцо,
С потёртой кожаной подушки
Швырнёт в безусое лицо
Тяжёлой
мелочью
из кружки...

Исповедь

Наверно, мой отец покойный
Мне передал стезю свою —
Ни революции, ни войны,
Ни власть людей не признаю.

И хоть грешил я в жизни много,
Но в завершение всего
Передо мной одна дорога,
И кроме высшей власти Бога
Нет надо мною ничего.

Ах, как нынче властям захотелось...

Ах, как нынче властям захотелось,
Чтоб российская наша печать,
Рабской жизни впитав мягкотелость,
Научилась о правде
молчать!

Чтоб за ломтик бесплатного сала,
Не краснея ничуть за враньё,
Лишь о путинской своре кричала,
О великих успехах
её.

И ни слова —
не сметь вспоминать их! —
Ни о цинковых скорбных гробах,
Ни о тихих, голодных проклятьях
У старух-стариков
на устах.

И не стало газет.
Горы хлама.
Да в каком изобилие большом!
Всё реклама,
реклама,
реклама.

Всё красоты.
И всё нагишом!

А трава-то без дождичка вянет.
И в затихшем просторе пустом
Зреет слово.
Которое грянет.
Просто так.
Без газет.
Словно гром!

Что вы ответите, земные боги? (Миллиардерам России)

С преступного согласия Кремля
Вам разрешили грабить те богатства,
Которые Спаситель сотворил
Не для тщеславной чьей-нибудь забавы,
А для того, чтоб сотни поколений
Могли разумно жить до окончанья
Земного испытания на веру.
Но эти всенародные права
Вы с дьявольской усмешкой зачеркнули.
Что вам законы Божьи? Вы и Бога
Из совести своей изгнали вон,
Как раньше фарисеи изгоняли
Его из поселений иудейских.

Зачем вам Бог? – Он только лишь обуза,
Он только лишь запрет для вас ненужный
Свои дела позорные вершить.
И без молитвы, без креста, без веры
Вы алчно в недра бросились вгрызаться,
Чтоб нефть и газ, и редкие металлы,
И камни драгоценные, а с ними
Шедевры Божьей мудрости – алмазы
Из гибнущей земли распотрошённой

Повыкачать, повыдрать половчее
И за рубеж повыгодней продать.

Вам наплевать на то, что миллионы
Уже едва концы с концами сводят,
На то, что сонмища пенсионеров,
Всё без остатка родине (?!) отдавших,
Приходят в магазины, как в музеи,
Чтоб посмотреть на глыбы буженины,
Понюхать, как копчёной колбасой
Всесильно пахнет даже сквозь витрины.

Вам наплевать, что множатся бомжи,
Как комары дождливым, тёплым летом,
И что у них за каждую помойку
Идут кровопролитные бои.

Вам наплевать, что русские мальчишки,
Ещё не зная, как прекрасна жизнь,
Её руками собственными губят,
Шприцы с наркотиком в свои вонзая
Исколотые вены.

Вам плевать,
Что гибнет Русь и внутренне и внешне.
Духовно – внутренне, материально —
По внешним признакам: теряя недра,
Сгорая, истлевая и взрываясь.
Но что для вас российская погибель?

Что превращение Руси в руины,
И даже больше – в лунную поверхность,
Безжизненную, пыльную, пустую?

Что Русь для вас? – Когда в карманы ваши,
В награду за народные богатства,
Которые вы бросили в распыл,
Текут не то что Волги – *Ниагары*
Врываются неудержным потоком,
Всё в долларах, всё в евро – не в рублях.

Что Русь для вас? – Когда по миру виллы,
Огромней старых рыцарских дворцов,
Разбросаны, и виллы эти ваши.
Не хочешь жить в швейцарской, самолётом,
Понятно, тоже личным, сверхмодерным,
Лети на острова, которых лучше
И днём с огнём не сыщешь. —

Что вам наши
Курорты у отравленной воды?

Вы жизнь себе отладили такую,
Какая президентам и не снилась,
Тем более премьерам и министрам,
И управленцам всех мастей и рангов.
Поскольку президенты и премьеры,
И прочая подножная мура
Давно вам не чета, а *только слуги*,

Готовые любое ваше слово,
Любой каприз, любое пожеланье,
Разбив в поклонах лоб, осуществить.

Мне кажется, что *эта сила власти*,
Что возрастающая *сила денег*
Внушает вам, что правит всем не Бог
И не Его всесильный вечный разум,
А это вы, *как боги на Олимпе*,
Мир поделив на области влиянья,
Осуществляете свои причуды.

Но что вы скажете, когда взаправду
Всё человечество трубой гремящей
Господь на суд последний призовет?
Когда, кивая на людское море,
Он каждого из вас сурово спросит:
— А что же сделал ты для *малых сих*?

И вот тогда, когда нутром поймёте,
Что Страшный Суд не сказка, не обман,
Когда закоренелый атеизм
Рассеется, как горькое похмелье,
И *Бога вы увидите воочью*,
И резко прозвучит вопрос Его, —
Что вы ответите, земные боги?

Повторите реформы Столыпина!

Всё идеями кормите липовыми,
От которых не грех и поспать.
Повторите реформы Столыпина,
И Россия воскреснет опять!

Дайте землю крестьянам, обещанную
Вашим общим отцом по вранью,
Воплотите задумку их вечную
Возлежать землю свою.

Дайте землю, как воздух, бесплатную,
Без налогов на несколько лет.
И крестьянин рубаху заплатанную
Позабудет, как пьяный свой бред.

И глядишь, он в костюме с иголки
Повезёт продавать за кордон
И зерно, и изделия войлочные,
И отменного масла вагон.

Да ещё и соседним заводишкам
Между делом подбросит сырья,
Чтоб не только промышленность водочная,
А была и другая своя.

Вот тебе и посыпались денежки
Не в кубышку, что вырастет в куб,
А степенно, расчётливо делающие
Храм и школу, дорогу и клуб.

И село, сорняками заросшее
Без любви и заботы людской,
Станет словно корона, возложенная
На раскидистый холм над рекой.

И округа, в которой движение
За последний повымерло срок,
Превратится сама в совершеннейшее
Завихренье шоссейных дорог.

Ах вы, чудо-реформы столыпинские!
Что же в мире вам не сокрушить?
Даже бедных и глупых подлиповцев
Вы научите радостно жить!

Только вот ведь беда нестерпимая —
Как в тогдашний столыпинский взлёт,
Власть своя же, родная, родимейшая,
Те реформы сама и убьёт.

Ведь рабам подарить человеческое,
Значит, гибель себе подарить,
Значит, будет надеяться нечего
Беспредельно над человеком царить.

Но, пронзая наш мрак, насыщающийся
Горьким пеплом сгоревшей земли,
Дух Столыпина в тучи сгущается
Над российской пустыней вдали.

Два пути

Игорю Яскевичу

*Ибо знает Господь путь праведных, а путь
нечестивых погибнет.*

Пс. 1, 6

Обижается мразь,
если мразью её называют,
Но её обожатели, только окреп голосок,
На суровую правду Христа,
словно волки в лесу, завывают,
И крадутся неслышно,
и новый готовят бросок.

Так две тысячи лет,
сатанея от гибельной злости,
Мерзопакостной мрази сыны
продолжают безумный поход.
Превращаются в прах земляной,
в безымянные кости,
А суровая правда Христа,
не сгибаясь, живёт.

И совсем невдомёк
этой пакостной жиже болотной,
Что борьба их не может

бесплодной и глупой не стать,
Потому что воюют они
против персти земной, мимолётной,
А духовность святую
ни словом, ни делом не взять.

*Исправлено 11.12.18 г.,
Священномученика Серафима Чичагова*

Владимиру Маяковскому

*У меня, да и у вас, в запасе вечность,
Что нам потерять часок-другой?*

В. Маяковский.

«Юбилейное»

Религию идейно невзлюбив
И предпочтя бунтарское сверженье,
Ты всё-таки церковей речитатив
Взял без боязни на вооруженье.

Ты веру был готов спалить дотла,
Но не смущался ради звонкой цели,
Чтоб, как церковные колокола,
Стихи набатом над страной гудели.

На сокрушенье мировых оков
Ты был готов отдать всей жизни годы,
И всё же в партию большевиков
Ты не вступил, чтоб не терять свободы.

Властитель поэтических вершин,
Владеющий, как Пушкин, русским словом,
Ты опускался до людских низин —
Их лозунгом вести к вершинам новым.

Ты знал – в походе нужен идеал
И ты назло разгулу и потерям
О Ленине поэму написал:
Не веря в Бога, ты в него поверил.

Но вера гасла – исподволь, не вдруг,
И гибель – если с нею распроститься.
Ты видел – отбиваются от рук
Рабочие, крестьяне и партийцы.

Страну тянуло неуклонно вниз.
В низинной пошлости увязло счастье.
И ленинский словесный коммунизм
Выплёскивался в гиблое мещанство.

И вот, на горло песни наступив,
Ты пишешь, пишешь, пишешь фельетоны.
И этот сатирический мотив
Уж не набат, а только перезвоны.

И вот уже не раз и не другой
С тобою на одну и ту же тему:
«Ну, что ты мелочишься, дорогой?
Взорли! Пиши о Сталине поэму!»

«Но я поэт, – ты им сказал, – не шут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.